

случаях военнопленные выводились на работы по борьбе с наводнением и очистку Зырянского и Усть-Каменогорского аэропортов от снежных заносов [10].

Необходимо отметить, что 1945 г. стал для системы УПВИ Казахской ССР годом напряженной работы. Большой приток военнопленных с запада и востока заставлял продумывать вопросы организации новых лагерей и лагерных отделений, а также расширения существующей системы лагерей. Использование военнопленных в системе принудительного труда в этот период было осложнено неготовностью предприятий к нормальной организации работы лагерей.

В 1946 г. остро встала проблема рационального использования принудительного труда военнопленных. Восточно-Казахстанская область стала гигантской строительной площадкой, где массово применялся труд военнопленных. В целом эффективность использования принудительного труда является достаточно спорной.

ЛИТЕРАТУРА

1. АП РК ф.725, оп.4. д,772 л.32.

Евдокимова О.В., доктор филологических наук
Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

«ПРИВИВКА ОСПЫ», ИЛИ О «СЛУЖЕБНОМ ЗНАЧЕНИИ» АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА Н.С. ЛЕСКОВА

Профессионально-практическое отношение к литературной работе выразилось у Н. С. Лескова в том, что он точно представлял себе, где должны быть опубликованы статья, роман или очерк, а равно и в том, что жанр он понимал в связи с той функциональной ролью, какая ему свойственна, в соответствии с его назначением и смыслом. «Роману, – соразмывлял писатель с выдающимся ученым-филологом Ф.И. Буслаевым, – нет нужды на-

2. АП РК ф.725, оп.4. д.106, 7л 67.
3. АП РК ф.725, оп.4. д.1063, л.61 об.
4. АП РК ф.725, оп.4. д.772, л.35.
5. АП РК ф.725, оп.4. д.1067, л.134.
6. АП РК ф.725, оп.4. д.1063, л.24.
7. АП РК ф.725, оп.4. д.1067, л.207.
8. АП РК ф.725, оп.4. д.1063, л.61 об.
9. АП РК ф.725, оп.4. д.1067, л.205.
10. РГВА, ф.1п, оп.35а, д.13, л.15.

Түйіндеме

1946-1947 жылдардағы Қазақстан территориясындағы әскери жүйедегі күштеу еңбеккерлігін пайдалану процессі мақалада қарастырылады.

Шығыс-Қазақстан облысының мәлемет бойынша, әскери тұтқындардың аймақ экономикасына қосқан үлесі, еңбектерінің тиімділігі талданады. Әскери тұтқындардың өмір сүру жағдайы, жұмыс жүйесінің жарғысы көрсетілген.

Conclusion

In clause using foreign prisoners of war in system of forced labour on territory of Kazakhstan in 1946-1947 is considered. On materials of the East Kazakhstan region process of work of prisoners of war at the mining-metallurgical enterprises, at the construction of industrial buildings is analyzed. Problems arising in activity of government bodies and the organizations using forced labour prisoners of war are shown.

сильственно придавать *служебного* значения, но оно должно быть в нем как органическое качество его сущности.<...> Но и в повести, и даже в рассказе должна быть своя служебная роль – например, показать в порочном сердце тот уголок, где еще уцелело что-нибудь святое и чистое. Эта задача сколь приятная, столь же и полезная, и я ее достигая порой, вовсе не имел к этому никакой теории, а тем менее “тенденции”» [1; 451].

К жанру романа писатель обращался в течение всей своей литературной деятельности: 1864 – «Некуда», 1865 – «Обойденные», 1870-1871 – «На ножах», 1883 – главы романа «Соколий перелет», 1884 – главы романа «Незаметный след», 1890 – «Чертовы Куклы» (не закончен).

«Скандальную» известность получили два лесковских романа: «Некуда» и «На ножах». Они образуют своеобразный центр формировавшейся в 1860-е гг. традиции – традиции русско-го антинигилистического романа. В литературе первого ряда «Некуда» связан творческим родством с романом И.С. Тургенева «Отцы и дети» и романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?»; «На ножах» сближается с романом «Бесы» Ф. М. Достоевского. В беллетристической литературе, литературе «второго ряда» оба романа Лескова соотносимы с произведениями А.Ф. Писемского («Взбаламученное море», 1863), В.П. Ключникова («Марево», 1864), В.В. Крестовского («Панурговстадо», 1869; «Две силы», 1874)...[2].

Тенденциозности романов «Некуда» и «На ножах» посвящено немало критических опусов современников писателя. Один из самых агрессивных – опубликованная в 1891 г. статья радикального «эпигона шестидесятников» А. М. Скабичевского «Чем отличается направление в искусстве от партийности. (По поводу сочинений г. Н. С. Лескова)»: «Вот вам образчик той неукротимой злобы и желчи, какими переполнен весь роман г. Лескова, – восклицал критик, приводя выдержки из “Некуда”. Но тем не менее роман “Некуда” далеко не представляет последней степени того неистового озлобления, до какого дошел г. Лесков впоследствии, когда он писал роман “На ножах”...» [3; 266].

Позднейшая историко-литературная наука пыталась объективно анализировать особенности авторской позиции в романах Лескова, но не снимала с их создателя обвинений в тенденциозности, в пристрастности, в

стремлении разоблачать леворадикальную интеллигенцию. Настало время посмотреть на романы Лескова с точки зрения той «служебной роли», какой он их наделял.

Герои «Некуда»: Лиза Бахарева, Вильгельм Райнер, «девица Бертольди»; герои романа «На ножах»: Павел Горданов, Филетер Форов, Анна Скокова (Ванскок), Иосаф Висленев – нигилисты разных «мастей» (от высоко идеальных, «настоящих» (Форов, Ванскок) до карикатурных (Висленев)) – конечно, не могли породить мощного силового поля негодования, долгие годы окружавшего романы. Его создало то «толковое, разъясняющее смысл значение» (X, 450), которое придал автор своим произведениям и которое мешает понимать их узко партийно – как антинигилистические. «Поучительная» интенция лесковских романов заключена в прямом и трезвом взгляде их автора на нигилизм как социальное и нравственное явление.

Пройдя свой путь отрицания, Лиза Бахарева, нигилистка из «настоящих», наделенная чистотой «тургеневских девушек», аскетизмом и ригоризмом «особенного человека» (Рахметова), идеей поиска правды и жертвенного служения ей, явленными с такой силой лишь у лесковских праведников, обретет в процессе отрицания неправедных путей человеческого существования только чувство ненависти: «Душит меня, – проговорила она еще тупее через несколько времени и тотчас же, делая над собою страшное усилие, выговорила твердо: – с ними (отрицателями. – О. Е.) у меня общего... хоть ненависть... хоть неумение мириться с тем обществом, с которым все вы миритесь... а с вами... ничего, – договорила она и захлебнулась» (II, 691). Прощальная речь героини обращена к подруге всей жизни – Женни Гловацкой, к няне, не смогшей оставить свою барышню в ее нигилистических скитаниях, к отцу, безжалостно брошенному и умершему от этой трав-

мы, то есть к той жизни, которая побуждала любить, а не ненавидеть.

В начале XX в. русский философ С. Л. Франк, наблюдая и обобщая предельные итоги русского нигилизма (революцию), дал глубокое определение сущности явления: «В русский нигилизм вложен страстный духовный поиск – поиск абсолютного, хотя абсолют здесь равен нулю» [4; 492]. Ужас абсолюта, равного нулю, уже знал Лесков, именно поэтому был уверен, что он, едва ли не единственный, изобразил нигилистов правдиво. Трезвый реализм Лескова ранил радикалов сильнее, чем антинигилистический пафос. В этом смысле характерно, что автора «Некуда» обвиняли в фотографичности изображения и, как следствие, в «шпионстве» и доносительстве.

Роман «Некуда» обогащал «житейскую опытность» читателя еще одним важным и драматичным для русского шестидесятника XIX в. выводом. Исследив дороги всех своих героев (прогрессистов и староверов, идущих в колее и выбившихся из нее), писатель твердо заключил: на любой из них – некуда. В этом находит объяснение название романа. Осознание обреченности русского пути во всех его идеологизированных вариантах расширяет у читателя, с точки зрения автора, практический взгляд на жизнь, воспитывает нравственное чувство и подталкивает к единственно возможному спасению – ежедневному устроению жизни на началах добра. Так роман Лескова реализовал свое «служебное значение», а не антинигилистическую тенденцию. «...Затевая ткань романа, – писал Лесков в уже цитированном письме к Буслаеву, – он (автор. – О. Е.) должен быть еще и мыслитель, должен показать живые создания своей Фантазии в отношении их к данному времени, среде и состоянию науки, искусства и весьма часто политики» (X, 450).

Павел Горданов, центр интриги и мистико-идеологического сюжета романа «На ножках», в отличие от героев «Некуда», незыблемо стоит на позици-

ях отрицания. Он – и идеолог, и практик, создатель нового учения и его терминологии. Горданов – не нигилист, а негилист. Перед окончательным утверждением в своей идее герой Лескова «смерил, свесил, разобрал и осудил» таких известных из русской литературы нигилистов, как Базаров, Раскольников, Марк Волохов. Базаров («Отцы и дети» Тургенева) слаб, так как со всеми спорит и способен любить. Раскольников («Преступление и наказание» Достоевского) – «курица», потому что не может не страдать от своего преступления. Волохов («Обрыв» И. А. Гончарова) посильнее предыдущих, ибо вполне подлец, но все-таки без «шлифовки». Из подобного самоопределения лесковского героя ясно, что негилистическая идея в своем развитии может произрасти только в аморализм и в преступление. В романе «На ножках» брат продает сестру, любовник приобретает для своей любовницы в рабство мужа, этот муж отпускается в аренду к его товарищу, другая жена готовит убийство своего старого, и без того могущего скоро умереть мужа, сам Горданов делает свою возлюбленную двоемужницей и т. д.

Мысль о неизбежном перерастании революционной идеи в уголовную утверждается в романе «На ножках» с гораздо большей определенностью, чем в романе «Бесы» Достоевского (своеобразном двойнике лесковского произведения). Высота мистико-трагического сюжета (Николай Ставрогин – Хромоножка – архиерей Тихон) углубляет и в известной мере облагораживает интригу, ведомую Петром Верховенским (один из «близнецов» Горданова). В романе «На ножках» одномерность негилистической идеи (сначала ограбить, потом уничтожить, а не наоборот, как в старом нигилизме, – сначала уничтожить, а потом ограбить), плоскостность изображения даже в самом мистико-трагедийном плане сюжета вызывает в читателе даже не чувство ужаса, а впечатление пустоты, пошлости и суетности жизни.

Несмотря на то, что современники подчас воспринимали «Бесы» и «На ножах» как единый текст, романы, конечно, различаются пониманием истоков «власти идеи». «Так как “Бесы – на ножах”, – писал критик крайне радикального журнала «Дело» Д. Д. Минаев, – есть не что иное, как иллюстрация к передовым статьям «Московских ведомостей» (газета охранительно-консервативного направления. – О. Е.), переданным в форме диалогов и приправленным нервно-болезненным анализом Ф. Достоевского и видоковскою (провокационной. – О. Е.) пронзительностью автора «Некуда», то их нужно принимать в себя, как лекарство, через час по ложке, попеременно то того, то другого, то третьего» [5;58]. Минаев настаивает, что русские писатели предлагают одинаковое лечение от нигилизма. Но Лесков, если выразиться в стиле суждений критика, «пугал» сильнее, чем Достоевский. Одержимость, которой наделены многие герои обоих романов, с точки зрения «пронзительного» реалиста Лескова, – следствие не столько приобретенной «власти идеи» (концепция Достоевского), сколько прирожденное, «натуральное» свойство русского человека. «Учительная» установка романа Лескова состоит в том, чтобы читатель не только увидел и осознал это свойство, но и нашел в себе другие, не менее коренные духовные опоры: смирение, терпение, «умное сердце», верность и веру Воспитательное воздействие на читателя, которое запрограммировано в романе «На ножах», позднее остро почувствовал и оценил В. В. Розанов: «Содержание его – потрясающее. Судя по нашему Пирожкову – конечно правдоподобно, возможно, вероятно. Конечно, – “так бывало”, “подобное – случилось”.<...> Мальчикам и девочкам в правильных русских семьях следовало бы давать читать “На ножах”. Это превосходная “прививка оспы”. Натуральная оспа не вскочит и лицо не обезобразится, если прочтет роман в 16-17 лет, фазу воз-

раста “как раз перед социализмом”» [6; 139].

Злободневность романов Лескова со временем в своих преходящих подробностях (к примеру, «фотографические» портреты знакомых автору нигилистов) погружается в область прошедшего и забываемого, но заметнее становятся вневременные смыслы, открытые Лесковым в современном ему социальном явлении. А именно: нигилизм – это «некуда» и «на ножах», Если не отвергнуть и не изжить его, навсегда. Такого рода смыслы могут быть вняты любому читателю, несмотря на то, что романы Лескова, тяготеющие, с одной стороны, к публицистике, с другой, к хроникам, лишены той целостности, какая свойственна в частности его сказам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков Н.С. Письмо к Ф.И. Буслаеву от 1 июня 1877г. // Лесков Н.С. Собр. Соч.: В 11т. М., 1958. Т.10.
2. См. об этом: Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870 годов. М., 2003.
3. Скабический А. Чем отличается направление в искусстве от партийности (По поводу сочинений г. Н. С. Лескова) // Северный вестник. 1891. № 5.
4. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.
5. Z'homme qui rit [Минаев Д. Д.]. Невинные заметки // Дело. 1871. № 11.
6. Розанов В. В. Мимолетное // Розанов В. В. Собр. соч. Мимолетное. 1915. Черный огонь. 1917. Апокалипсис нашего времени. М., 1994.

Түйіндеме

Мақалада Н.С. Лесковтың «Некуда» және «На ножах» антинигилисттік романдарының «қызметтік рөлі» сарпалады.

Conclusion

This article analyses the 'official role' of antinihilist novels of N.S.Leskov «Некуда» and «На ножах».